

НАТАЛИЯ
ГУЛЬКИНА

МИРАЖИ
и *звезды*

(Моя исповедь)

Издательство АСТ
Москва

УДК 784:929
ББК 85.364.1(2)6-8
Г94

Дизайн обложки *Анны Якуниной*

В оформлении книги использованы фотографии
из личного архива автора

Автор и издательство благодарят Михаила Комлева
и Илью Ипатова (Айвенго) за помощь в создании книги

Гулькина, Наталия Валерьевна.

Г94 **Миражи и звезды : моя исповедь / Наталия
Гулькина. — М. : Издательство АСТ, 2024. —
480 с.; ил. — (Современная биография)**

ISBN 978-5-17-165355-2

Наталию Гулькину по праву называют королевой диско. Ее звезда взошла на эстрадном небосклоне в конце 1980-х годов.

Привычная спокойная жизнь обычной девушки изменилась в одночасье, когда, случайно попав на прослушивание, она была принята солисткой в группу «Мираж». Начались бесконечные гастроли в разных городах, пришла популярность. Исполняемые артисткой песни стали хитами. Сегодня Наталия Гулькина выступает с сольными концертами по всей стране и за рубежом, ее любят зрители и обожают поклонники.

В своей книге она подробно и ярко рассказывает о детстве и юности, работе в группе «Мираж», причинах ухода из нее, непростых отношениях с Маргаритой Суханкиной, о группе «Звезды», приключениях во время гастролей, которые не раз могли закончиться трагически, о перипетиях личной жизни, о сольной карьере и о чудесах, которые дарила ей судьба.

**УДК 784:929
ББК 85.364.1(2)6-8**

ISBN 978-5-17-165355-2

© Гулькина Н.В., 2024
© ООО «Издательство АСТ», 2024

ОТ АВТОРА

Давно хотела рассказать всем эту запутанную, но не лишенную сюжета для хорошего фильма историю длиною в целую жизнь!

А началась она, по сути, в далекие 80-е, точнее в 1986 году — году осуществления моей мечты, начала моей творческой жизни.

Это было время, когда девушки ревновали своих парней к той, которая пела, как им казалось, неподражаемым голосом. Парни восхищались и боготворили ее, закручивая кассеты до дыр на простеньких магнитофонах. Огромная страна дружно отплясывала на днях рождения, свадьбах, проводах в армию, на стадионах, на дискотеках, которые только начинали входить в моду, под песни молоденькой блондинки Наташи Гулькиной, которая, скажу я вам, и сама не понимала всей значимости своего вклада как в историю советской поп-музыки, так и просто в историю — свою и миллионов других, таких же молодых парней и девчонок...

Прошли годы, а я по-прежнему молодая, энергичная, темпераментная, жизнелюбивая девчонка. И когда мне задают вопрос: «А на сколько лет вы себя ощущаете?», я вхожу

в ступор — не понимаю вопроса! Пусть смеются те, кто тоже меня не понимает, но я ощущаю себя лет на 30, ну в крайнем случае на 35!!! И как же трудно сопоставлять свое внутреннее состояние с тем, что написано у меня в паспорте! Я решительно отказываюсь это принимать!

Что касается книги, я много лет назад уже планировала ее начать писать и даже как-то начала со своего незабываемого, яркого детства, которое тогда мне казалось скучным: дни тянулись бесконечно, я не знала, куда себя деть, хоть и ходила на разные кружки, пела в хоре, каталась на лыжах, коньках, санках, велосипеде. Все равно время тянулось очень медленно, и мне очень хотелось побыстрее вырасти, чтоб надевать мамины платья и каблуки, ложиться спать не по воле родителей, а когда душа пожелает.

Сейчас, вспоминая это, я понимаю, каким же счастливым и веселым, а главное беззаботным было мое детство.

Не всякий может представить себе, что его жизнь ему не принадлежит. Он наблюдает ее как бы со стороны, сидя у окна самолета или попивая горячий чай в гремящем подстаканнике в поездах разных направлений. Автомобили, автобусы, корабли, сотни тысяч километров по всей России, вдоль и поперек. За рубежом — чуть меньше, но тоже есть о чем вспомнить. Всегда жалела, что не купила в 1986 году карту и не повесила ее на стене вместо ковра, чтобы отмечать звездочками места моего пребывания! Эх, жаль!!! Но тем не менее это и есть моя

жизнь и жизнь многих моих коллег, вынужденных зарабатывать концертной деятельностью, так как от продажи дисков в нашей стране этого сделать нельзя. Вот так и вынуждены мотаться по городам и весям, кормить клопов в гостиницах, рисковать каждый раз жизнью, садясь в самолет, и молиться о том, чтобы долететь, чтобы вновь увидеть свою семью, ради которой, собственно, ты и обрек себя на такую жизнь...

А где-то есть жизнь другая, и людей, живущих этой другой жизнью, значительно больше. Я говорю о тех, кто ходит на концерты звезд, на театральные премьеры, ездит в Куршавель и Альпы, на побережье Майами или в Арабские Эмираты. Есть люди, которые никуда не бегут, а живут спокойной, размеренной жизнью: кто-то на даче сажает огород, кто-то планирует свой отпуск, путешествует и наслаждается, как кажется со стороны, жизнью, и таких немало. Мы же, артисты, напрямую зависим от концертов. И так же, как и многие, порой сидим без работы и, соответственно, без денег.

Одни вынуждены пахать, а другим падает с неба. Почему так? Где взять на это ответ? Как бы то ни было, есть все-таки одно, что объединяет нас всех, — мы спешим жить! В детстве мы хотим побыстрее вырасти, а когда вырастаем, то все время вынуждены бежать и торопиться... толкаться в пробках... материть друг друга из окна авто, сигналить другим, никому не уступая. Куда мы летим, куда спешим? Как будто завтра апокалипсис, конец света, и все нужно успеть именно сегодня!

А если это и так, да, конец света... и что же...
Так тем более проживите свой последний день
на земле в свое удовольствие. Улыбайтесь ка-
ждому, не срывайте свою злость ни на ком, не
смотрите себе под ноги, откройтесь и откройте
глаза, увидите красоту вокруг. Вы обретете
гармонию и просто станете в этот миг счастли-
выми!

Я хочу раствориться в вечерней заре,
Стать веселым, бушующим маем,
Я хочу побывать на Полярной звезде,
Но вы скажете: так не бывает!

Я хочу быть холодной водою морской
Или птицей, летящей не в стае,
И в дремучем бору я хочу быть сосной,
Но вы скажете: так не бывает!

Я хочу петь, как ветер поет в проводах,
Беззаботным щенком звонко лаять,
Даже чаем горячим побыть в поездах,
Но вы скажете: так не бывает!

Я хочу одного лишь, быть чуточку нужной,
Чтобы руки, как крылья, поднять,
Я помчусь через осень, по листьям, по лужам,
И проходим я буду кричать:

Чтоб в глазах огонек не терял бы надежды,
Чтобы сердце стучало, как в наковальне,
Люди, скиньте с себя зла гнилые одежды.
Но в ответ лишь услышу я: так не бывает!

Что ж, давайте любить, несмотря на усталость,
Каждый день новый — Богу воздать,
И нести в мир добро, ну хотя бы лишь малость,
И хоть чуточку нужным стать!

Больше полувека за спиной. Но я почему-то чувствую себя одинокой и незащищенной, порой маленькой девочкой. Мне хочется забиться в угол и рыдать оттого, что не понимаю, как жить, как поступить в той или иной ситуации, каким путем пойти? Плыть по течению или идти напролом? Вроде и не одна, вроде и любима и люблю, но что-то не дает насладиться этим счастьем сполна, есть какая-то невидимая преграда... и сломать я ее пока не могу!

Возможно, виной этому мой возраст, который душой я не принимаю. Когда я слышу, как молодые девчонки и ребята смеются, подтрунивают, «прикалываются» и осуждают с высоты своей молодости других (тех, кто старше) и говорят даже про 30-летних «эта старуха, да куда она лезет», — то сначала мне становится страшно за себя, а потом просто смешно... Дураки! Когда-то в юности и я так думала. Они не знают, не понимают, как быстро пролетит их время, и вот уже им вслед тоже полетят на смешки, и они тоже будут чувствовать себя неловко...

Но пока молоды, мы об этом не задумываемся. Наша жизнь бежит по кругу, как стрелки часов, что у каждого из нас висят дома на стенах, на работе, в транспорте, тикают на запястье руки. Мы носим время с собой в кармане, на телефоне, но оно нам не то чтобы друг...

скорее наоборот, оно к нам беспощадно, оно неумолимо забирает у нас самое дорогое: минуты, часы, годы... нашу жизнь!

И, наверное, именно по этой причине у меня появилось желание вспомнить все с самого начала и рассказать о себе, о том, как часто на разных этапах своей жизни мне приходилось все начинать с чистого листа!

Глава 1

СЕМЬЯ

МОИ САМЫЕ БЛИЗКИЕ ЛЮДИ

Я плохо помню свое раннее детство, и меня это всегда напрягало. Как же так? Почему другие люди все помнят в мельчайших деталях, а я, как говорится в известном фильме А. Серого, «тут помню, тут не помню».

Моя мама родилась в 1945 году в Москве, когда закончилась война. Мамина сестра, тетя Наташа, была деду не кровная дочь, он взял бабушку с четырехлетней девочкой на руках.

Павел Алексеевич Кульков, мой дед, был для меня отцом, потому что он меня воспитал. Бабушка была женщиной невероятной красоты, будто кинозвезда. А дед был молодой, смелый. Бабушка очень любила человека, от которого у нее был ребенок, она собиралась за него замуж, но свадьбу было не суждено сыграть, в 1941 году он погиб на войне.

Бабушка всю жизнь говорила мне: «Ты знаешь, я деда как бы и не любила, я все равно помнила и любила того единственного человека». А дед происходил из старой московской семьи, у них был свой дом. Вся его семья жила в Рублеве. Он привез мою бабушку с Наташенькой в Москву, где через год родилась моя мама Людмила.

Когда маму привезли из роддома, тете Наташе было пять лет. Бабушка мне рассказывала,

что она Наташеньке сшила фартучек, там у нее лежали семечки, и вот Наташа подошла к Люсе и говорит: «Какая хорошая девочка! Хочешь семечку?» Взрослые не успели ничего сказать, как она уже засунула ее в рот новорожденной. Маму перевернули ногами кверху, вынули эту семечку, еще чуть-чуть — и она бы подавилась.

Мама родила меня в 19 лет. По рассказам мамы и бабушки Любы, выйдя замуж за моего отца, она из Москвы переехала жить к моему папе Валере в подмосковный город Королев. Они жили в очень старом доме, где была еще печка-буржуйка. Мама моего отца, бабушка Лида (мы звали ее Балидой), выделила им комнату на чердаке — так сказать, апартаменты для молодоженов. А в феврале 1964 года в родильном доме поселка Болшево по соседству с городом Королевым появилась на свет я. Был уже конец зимы, но морозы стояли еще сильные. Мама вспоминает: «Вроде печку топим, в комнате жара невероятная, я тебя раздеваю, всю раскутываю из пеленок, ты лежишь у меня голенькая, потом к вечеру печку гасим, я тебя закутываю и одеялом сверху накрываю. Ты просыпаешься утром: нос холодный, руки, ноги ледяные. За ночь комната сильно остывала, так ты и простыла».

В две недели от роду я получила двустороннее крупозное воспаление легких и вместе с мамой попала в больницу для грудничков. Мне полностью делали переливание донорской крови. Мама говорит, что я тогда совсем ничего не ела, отказывалась брать грудь. Мама сцежива-

ла молоко, и его мне через пипетку вливали в нос — других способов покормить ребенка просто не было. Уколов делали столько, что места живого не было, даже в голову ставили уколы. Когда наступил переломный момент и снизилась температура, врач сказал: «Я вам честно скажу, был бы мальчик — не выжил бы, парни более хилые в грудничковом возрасте. А эта держится за жизнь — будь здоров! И так орет, что певичей, наверное, будет».

Мои родители вместе прожили недолго, и когда мне было 2 годика, они расстались. Я, конечно же, осталась с мамой, и мы переехали обратно в Москву. Так мама в 21 год осталась одна с двухлетней дочерью на руках.

По приезде бабушка предложила маме: «Людмила, давай я заберу Наташку, потому что она маленькая, требует много внимания, а тебе надо личную жизнь строить». Мама сначала ни в какую не хотела меня отдавать, но бабушка все же настояла.

Так я уехала с ней в Будапешт. Бабуля сразу стала для меня мамой, а дедушка — папой. Все время, проведенное в Будапеште, я их так и называла. Они меня звали «доченька наша, Наташенька». Бабушка одевала меня как куколку: лучшие костюмчики, платица. При этом я была озорная и хулиганистая девчонка.

Когда мы еще только ехали в Будапешт, после очередной стоянки поезда произошел неприятный случай. Я лежала на верхней полке и листала книжки. Когда поезд уже набрал приличную скорость, кто-то дернул стоп-кран. По-

езд резко затормозил, и я полетела вниз на металлический столик. Слез было море — и от страха, и от боли, так как ударилась я не только затылком, но и позвоночником, ободрав до крови кожу на спине, шрамы до сих пор видны. Но, к счастью, все обошлось.

Несколько лет мы с бабушкой и дедом прожили в Венгрии, но я плохо помню это, в основном по фотографиям и бабушкиным рассказам.

Расскажу вам пару забавных историй, которые я слышала от моей бабулечки. Я была жуткая озорница, «шило в попе» — так она говорила. Я очень любила бабушку, но частенько ее не слушалась. А так как она была очень добрая и мягкая, я этим умело пользовалась. В Будапеште мы жили напротив посольства СССР, где работал дед, и он каждый раз приходил обедать домой, где его всегда ждал превосходный, приготовленный бабушкой обед. И вот в один из таких дней бабуля уложила меня днем спать, а сама пошла покормить обедом дедушку. Когда спустя полчаса он вышел на улицу, чтобы вернуться на работу, то его глазам предстала такая картина: у входа в здание стоял полицейский, а вокруг него была целая свалка книг, которые моя мама регулярно высылала посылками из Москвы. Книги продолжали листопадом сыпаться сверху солдату на голову, а он только разводил руками и грозил пальцем, глядя куда-то вверх. Дедушка сразу все понял, в три прыжка он оказался на третьем этаже, где мы жили, влетел в квартиру как ошпаренный и буквально за ноги поймал меня при очеред-

ном замахе целой стопкой книг. Еще секунда — и я спикировала бы вслед за произведениями Чуковского, Пушкина и Михалкова.

Мне сильно влетело тогда, но это подействовало ненадолго. История повторилась, только полицейский был другой, и сверху летели на него не книжки, а кофточки, юбочки, колготки и все, что попадалось мне под руку из гардероба.

После этого окно заклеили, чтобы я не смогла самостоятельно открыть его, а до форточки я не доставала. Тогда я нашла себе другое занятие. Так как у меня было много карандашей и фломастеров, я в свой положенный тихий час, когда бабушка с дедушкой мирно обедали на кухне, разрисовала всю стену непонятными человечками и несуществующими зверюшками! Когда они вошли в комнату, то, глядя на их лица, я поняла, что надо прятаться под кровать. Дед закричал и снял тапку: «Наташка, вылезай!» Тапка — это было самое страшное! Ее я больше всего боялась! Но я затихла, как мышонок, и только хлопала глазами. Дотянуться до меня он не мог, и мне очень повезло: моя бабуля была «хорошим полицейским», она успокоила деда, что-то шепнула ему на ушко, и они вышли. Я еще несколько минут полежала под кроватью и решила покинуть свое убежище, думая, что буря миновала, но меня обманули (вышла только бабушка). Как только я вылезла из-под кровати, меня тут же схватили за ухо, и я получила хороший шлепок по попе тапочкой. Потом стояла целый час в углу, носом к стенке. Ухо болело и горело, я рыдала и обещала, что больше никогда так делать не буду.